

Читай в серии:
Александра Пушкина
Пепельные следы
Мария Тиамат
Поцелуй Снегурушки

Мария Тиамат

«Махаон»
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)-44
Т39

Иллюстрация на обложке *Anteater and Lighthouse*
Внутреннее оформление *Адели Кучкаровой (adelekaner)*
Оформление макета *Игоря Пинчука*
Дизайн обложки *Елены Дукельской*

Тиамат М.
Т39 Поцелуй Снегурушки: роман / Мария Тиамат. — М.: Махаон, Издательство АЗБУКА, 2026. — 416 с. — (Сумеречные тропы).

ISBN 978-5-389-29324-3

В деревню на самом краю Бездны словно из ниоткуда пришла девушка. Красавица с белоснежной кожей и глазами как спелая брусника, — не иначе, дар богов. Тут и к бабке за советом идти не надо! Но молодой Иван все же решил навеститься к ворожее. Ведь, когда добрые избы рассыпаются, как пепел в остывшем очаге, а вместо соседей в гости заходят видения, кажется, что не благословение, а Лихо явилось в дом. Не получив ответов от старухи, юноша отправляется в путь на изнанку земли, где растет всеведущая яблоня. У нее-то Иван и собирается узнать правду. Но сможет ли одно колдовство одолеть другое?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)-44

ISBN 978-5-389-29324-3

© Мария Тиамат, 2026
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
«Махаон»®

НА ГУЛЯНЬЯ ДА ХОРОВОДЫ

Лишь бы не снилось

Polnalyubvi

Невольница

Ягода

Чудовище

Ягода

Царевич

Мельница

Парфюмер

Green Apelsin

Наперекор Вселенной

Джоконда

Шей

Хелависа

Жатва

Мещера

Волей моею

Sacrothorn вместе с Мари Штайнер

Зимним хладом

Мещера

Омут

Ягода

ДЕРЕВНЯ ИВАНА

Семья Ивана: отец Борис Горностай,
мать, братья Терентий и Никифор,
сестра Марьянка.

✻
Знахарка Агафья

✻
Клим Митрич — резчик по дереву
и наставник Ивана

✻
Офимья — жена Клима Митрича

✻
Верба — дочь Клима Митрича и Офимьи

✻
Пантелей — староста деревни

✻
Лемеховы: старик Яхонт
и его жена-старуха

✻
Кузнец Потап

✻
Евмений = охотник

✻
Кузьма — ровесник Ивана

ДЕРЕВНЯ АКСИНЫИ

Двор I:

Прокофий, его сын Сыгней,
жена Сыгнея Ульяша

Двор II:

супруги Емельян и Марфа,
их дочери Аксиныя и Милица

Двор III:

тетка Настасья, ее муж,
дочь Праскуша и сыновья

Двор IV:

вдова Глафира, ее дочь Ежена и сыновья
Егорка и Никифор

Двор V:

вдовец Пахом и его дочь Феодора

Двор VI:

старик Василь, трое его сыновей
и дочь Есеня

Двор VII:

Феофан и его семья

*Я жила во лжи —
Ты меня прозрел;
Как сумел, скажи?
Ты меня коснись —
Кровью поделись.
Отведи домой:
Я на смертный бой
За тобой пойду
Отвести беду.*

ПРОЛОГ

Туман висел над болотом густой моросью, скрадывая очертания местности. Хилые, тянущиеся из трясины ели выплывали из него неясными тенями и тут же растворялись в небытии. Пару раз Иван чуть не остался без сапог, угодив по неосторожности в самую топь, но по большей части тут и там мелькали песчаные, поросшие осокой кочки, на которых нога стояла твердо. Дрожащее, едва пробивающееся сквозь плотную завесу солнце окрашивало пейзаж в пыльные, скучные цвета.

Тишина и безлюдье. За все то время, что длился путь — а он занял около часа, — в ушах Ивана даже не звенела мошкара. Ни разу не разразилась хриплым карканьем ворона, и эта охватившая мир немота казалась невероятной, будто дело происходило во сне. Впрочем, все, что творилось последние дни, напоминало сон — только сон кошмарный, неотступный. «Да где же эта Аксинья?» — недовольно подумал он про

себя, и тут же в ответ на его мысли по правую руку за-
маячила деревушка. Обозначивший околицу колодец
ощерился заплесневелым срубом*, намекая, что тут
давно никто не живет. Вздохнув, парень ускорил шаг.

Одно за другим выныривали из молочной дымки
убогие строения: покосившиеся, потемневшие от сы-
рости и времени бревенчатые стены, зияющие дыра-
ми крыши и проглядывающие сквозь прелую солому,
точно скелет уродливого монстра, стропила. Тянуло
гнильцой и речным илом. Без сомнений, селение за-
болотилось уже давно, поскольку даже и внятной
тропки было не видеть. Иван в недоумении постоял,
рассматривая останки некогда цветущей деревушки.
Здесь даже кошка жить не будет, не то что человек!
Может, он пришел не туда?

Однако стоило ему все-таки ступить вглубь за-
брошенного селения, одна из ближайших изб — вы-
тянутая, в четыре окна, и приземистая — вздрогнула,
натужно затрещала, и из ее окон и дверей ринулись
наружу десятки длинных рук и щупалец. Бледно-
розовые, а местами даже сизые, как мертвечина, они
струились, напоминая клубок змей.

Иван, даже в сказках не слышавший о подобной
жути, подпрыгнул на месте, но страх не успел растечь-
ся по жилам: монстр окоченел. Хлопнули, моргая, став-
ни, исказился провал дверного проема, и Иван наконец

* Сооружение, строение, сложенное из бревен. (Здесь и далее
примечания автора, если не указано иное.)

сообразил, что внутри избы не скрывалось никакого чудовища. Само строение было живое и теперь устало на парня сразу четырьмя глазами окон.

— Чело-е-ек... откель ты здесь? Как проник в чертоги духов? — недоверчиво проскрипело оно, и в его странном, таком же обезображенном, как и облик, голосе послышался испуг.

— Не твое дело, образина. — Подбоченившись для виду, Иван сдвинул шапку на затылок. — Я Аксинью ищу, не видал где? Меня за ней Плакальщица послала.

— Акси-и-инью? — переспросило чудище, точно сомневаясь, отвечать или нет. — Так я она и есть.

— Чудно! — рассмеялся Иван. — Такому страшилищу и такое имя!

Чудовище почему-то вздохнуло — будто кузнечные мехи ухнули.

— Пошто кличет меня? — Печаль, прозвучавшая в его голосе, заставила Ивана устыдиться.

Тварь-то, пусть и уродлива, судя по всему, безобидна, а он от малодушия начал куражиться, нести невесть что. Разве таким его учили быть матушка да отец родной?

— Сам не знаю, — Иван примирительно развел руками. — Велела только, чтобы ты шла поживее, — добавил он, вспоминая, как долго старуха мяла да рассматривала срезанный с его головы клочок волос.

Иван поначалу оторопел, когда увидел, что Плакальщица взялась за ножницы, но та сердито втол-

ковала, что таковы правила и нечего перечить, коли сам навязался на ее голову. Добыв желаемое, старуха недовольно уставилась на прядь, будто в ней была со-брана сила молодца.

Иван тогда не выдержал, возмутился:

— Да сумею я по этим болотам пройти, вон какой крепкий! Чего ты, бабуль?

Плакальщица лишь смерила его неодобрительным взглядом, будто он стащил у нее крынку сливок. Но все-таки объяснила, где искать Аксиныю...

— Ладно, пойдем, — смиренно пророкотала избушка. — Забирайся ко мне на охлупень*, доведу.

Иван никак не мог понять, где в чреве этого чудовища рождаются слова. С виду вроде бы домина доминой, посеревшее дерево того и гляди рассыплется, что трухлявый пень, но вид поросших лишаем наличников неуловимо складывался в выражение лица. Интересно, если попробовать ему в брюхо забраться, там тоже будут полати, печь да лавки? Но спросить постеснялся.

Из темного оконного проема к Ивану протянулось одно из щупалец, предлагая помощь.

— А точно не сожрешь? — в последний момент осторожно уточнил парень.

— Кабы надо было, уж давно бы сожрала, — вздохнула изба.

* То же, что и конек на крыше, прикрывает стык скатов.

Примерившись к полусгнившим бревнам, Иван ухватился за выщербины и полез наверх, подталкиваемый извивающимся отростком. Дерево было влажным и шершавым на ощупь — а он ожидал, что оно, возможно, теплое и дышит, как живой зверь. Хотя какой это зверь?

Уцепившись за водотечник, Иван подтянулся и оказался на покатой крыше. Быстро на четвереньках прополз по мшистому подстилку и оседлал конек.

— Готов! — крикнул он, крепко сжав деревяшку.

Изба пошатнулась и оглушительно затрещала. Просевший в топкую почву фундамент подымался, точно гигантский зверь выдергивал мощные лапищи из трясины. Хлипкий домишко ходил ходуном, раскачивался из стороны в сторону. Ивана замутило, и он стиснул зубы, еще пуще цепляясь за охлупень: не удержится — головы не сносить. Однако монстр, собравшись в гармошку, точно кот перед прыжком, вдруг распрямился и резво понесся, движениями напоминая гусеницу. Жесткая балка больно била по бедрам, но происходящее оставалось так чудно и невероятно, что Иван не обращал внимания на неудобства, вперившись взглядом в зыбкий горизонт. Влажный ветер бил в лицо, трепал волосы, и в оглушительной тишине громко чавкали проносящиеся по мшарам* щупальца. Монстр не боялся топей и мчал напролом. У Ивана

* Мшистые болота.

только начали уставать руки, а избушка Плакальщицы уже вынырнула из вязкого тумана.

Небольшая, точно коробок, с крошечными наличниками и неприметным коньком в виде птицы, поднятая над водой четырьмя столбами, она возвышалась посреди кочек, поросших жидким кустарником. Клоки жемчужной дымки не спешили рассеиваться, создавая сизый полумрак. Ни огонька, ни мерцания невозможно было угадать за плотно завешенными оконцами... В тягостной тишине иного мира изба казалась нежилой. Однако стоило чудовищу остановиться и замереть, как дверь избушки отворилась, будто Плакальщица только и поджидала гостей.

Сухая, изъеденная годами, но пока еще сохраняющая моложавость старуха глядела на путников отстраненно. Из глаз ее непрерывно текли слезы: они капали с подбородка, смачивая подол выцветшего, когда-то ярко-красного, а теперь грязно-розового сарафана, но она даже не пыталась утереть их, словно бы не замечая.

— Приехали наконец-то! Я уж думала, сожрал кто тебя, — угрюмо проворчала она, глядя на Ивана, пока тот скользил вниз по крыше.

— Бабушка, как это человек оказался в мире духов? — прогудело чудовище. — Не было такое возможно во веки веков!

— А ты сама не видишь, что ли? Глянь, что у парнишки на шее-то.

С угрожающим треском качнувшись вперед, чудовище прикрыло пустые глазницы окон ставнями — вероятно, это означало прищур — и изумленно охнуло: на шее Ивана висел оберег, сплетенный из кристаллов и веточек и испускающий едва уловимое мерцание. Тонкий шнурок удерживал его у груди, однако сам амулет не лежал поверх тулупа, а плыл в воздухе.

— Ох чудо, чудо-то какое! — благоговейно запричитал монстр.

— Ну раскудахталась! — Плакальщица хлопнула в ладоши, и брови ее грозно сошлись. — Не радуйся раньше времени. Не по праздности Иван к нам пожаловал, а с бедою. И сдается мне, что это судьба пришла за тобой, Аксинья. Хватит попусту слезы над мертвецами лить, пора тебе братья за ношу, что волей-неволей на себя взвалила.

И хоть многое оставалось для Ивана загадкой, с тех пор как он попал в это странное место, он сразу уловил сгустившуюся от слов Плакальщицы угрозу. Чудовище притихло, втягивая щупальца и становясь неотличимым от обычной избы-развалюхи.

— Расскажи ей, Иван, — велела Плакальщица.

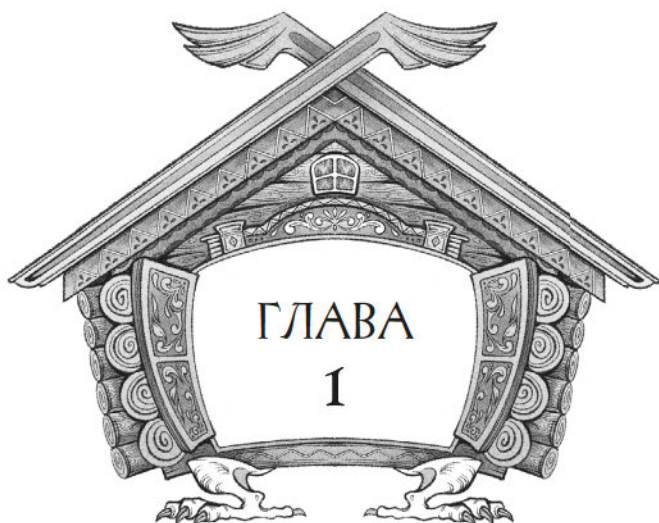
— Да что уж... — Иван снял шапку, растерянно взъерошил светлые волосы. — Жаловать я к вам вообще-то не собирался, оно нечаянно вышло, так уж простите за беспокойство. — Он поклонился Аксинье, чувствуя себя по-дурацки и не в силах отделаться от ощущения, что разговаривает с обычным срубом. —

Но помощи я и правда ищу. Появилась у нас в деревне вот как уж с седмицу дева, у проруби ее обнаружили. Ничего не помнит, роду-племени своего не знает. И с тех пор какая-то чертовщина творится. Люди у нас умирают, но... как будто бы сами.

— Как будто бы сами? — глухо переспросила изба, и Иван отпрянул от неожиданности.

А потом неуверенно кивнул. Его вдруг охватили озноб и робость, словно и сейчас темные глаза Снегурушки сверлили его спину, но он превозмог это ощущение, заставляя себя вспомнить все в мельчайших подробностях...

Под скорбные песни метели

В тот день жители деревни спорили до хрипоты, что делать со странной чужачкой. Нагую девушку обнаружили неподалеку от реки старики Лемеховы. Девушка лежала запорошенная снегом, точно мертвец, но старик Яхонт, подняв шум, созвал мужиков, которые быстро отнесли пришлицу в тепло — и там распознали, что та еще дышит. Слабым, прерывающимся голосом она простонала, что не помнит ни своей семьи, ни как оказалась в этих землях. Что было еще чуднее, рядом с рекой не сумели найти ни единой цепочки следов, хотя ночь выдалась безмятежной и даже поземка не мела.

Выходило, будто пришлица и правда взялась из ниоткуда, и вскоре уж посреди избы стояла знахарка Агафья и чеканила низким властным голосом:

— Ни духи, ни уж тем более Бездна, о которой так любят разглагольствовать ваши жрецы, не способны породить человека! Откуда взялась она, нагая, посреди стылого бора, где бродит смерть? Не человека вы подобрали, а оборотня!

— Да будет тебе, Агафья, — строго стыдил ее староста Пантелей. — Лес у нас чистый, хороший. Сроду в нем не было Скверны. Не наговаривай на девчушку.

— И года ведь не минуло, как сыночка-то нашего деревом в лесу задавило, — вторила рядом старуха Лемехова. — И тут мы ее находим, одну, в снегу да без памяти — это ведь подарок Близнецов-Создателей нам за погибшего Арсеньюшку! Намолили, выплакали... Уймись, Агафья, совсем ты спятила со своими бреднями! И прежде чепуху молола, так хоть на потеху ребятишкам, а не на людей кидалась.

Иван встал на цыпочки и что есть сил вытянул шею, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь за чужими макушками. Сегодня днем он, как обычно, работал в подмастерьях у резчика Клима, когда к ним в избу забежала его младшая сестра Марьянка и возбужденно закричала:

— У реки ничейную нашли! Зашлась* вся, к Лемеховым несут!

К сожалению, пока Иван с мастером натягивали тулупы да спешили в избу к старикам, туда успела на-

* Сильно замерзла.

толкаться вся деревня. В сенях пахло прелой соломой и овечьей шерстью, от оглушительного гвалта мигом начала раскалываться голова. Настоящих жрецов в их захолустном селении не водилось, и долг блюстителя нравов возлагался на того же, кто по осени отчитывался перед сборщиками податей, то есть на старосту.

Пантелей на многое закрывал глаза, не видя большой беды в пристрастиях лекарки к стародавним поверьям. Точно так же, как и не гонял молодых девок или охотников, которые тайком наведывались к Агафье за любовными да охранными заговорами. В столице, поговаривали, за еретичество грозила смертная казнь, однако здесь, на самом краю империи, полузабытые обряды и правильная религия переплетались причудливым образом. И все же в моменты, когда Агафья начинала открыто отвергать истины Всевеликой Бездны, Пантелей, как и сейчас, резко ее одергивал.

Зычный, непоколебимый голос знахарки легко перекрывал возражения противников, однако столпившиеся в избе деревенские оставались на стороне главы села. Никто в самом деле не собирался выгонять чуть было не погибшего человека обратно на мороз.

Да и отношения селян с Агафьей всегда были непростые... Дети любили ее самозабвенно: за чудесные сказки, каких больше никто не знал, за вкусно пахнущий целебными травами дом и чудную одежду. Только позже понял Иван, что были то вовсе не сказки, а ее истинная вера — диковинная, наполовину утраченная,

однако Агафья ревностно оберегала уцелевшие заветы предков, проводя свои обряды и моления духам в гордом одиночестве.

Жила она давным-давно одна, без детей, и шутила, что молодость свою завещала земле и небу, — мол, за то они наделяют ее силой. Впрочем, сказывали, что девкой Агафья кого-то любила, да тот выбрал другую, чье доброе имя не было запятнано ворожкой. Вот и отправилась Агафья на самый север, кормясь врачеванием, и дала зарок оставаться век незамужней. А свою веру предавать отказалась.

Не одному охотнику она страшные медвежьи раны залечила, не одной роженице муки облегчила, потому и привечали, и терпели ее странности. И все же взрослые относились к ней снисходительно, словно выражая здоровое пренебрежение древними суевериями.

Из всей детворы Иван дружил с Агафьей дольше остальных: всегда, даже лютой зимой, когда мороз выхолащивал запахи, возле ее избы густо пахло медом, сдобным хлебом и — невероятно — свежей полынью. А стоило переступить порог, как сердце охватывали уют и благодать. Иван, как и многие дети, старался хоть какой малостью угодить пожилой знахарке: за водой ли сбегать, дров ли наколоть. А потом придешь, зарумянившийся от жгучего холода, отряхнешь налипший на кудри иней и слушаешь, как Агафья забавно разговаривает с домовым, откладывая ему еду на блюдце:

Серия «СУМЕРЕЧНЫЕ ТРОПЫ»

ТИАМАТ Мария

ПОЦЕЛУЙ СНЕГУРУШКИ

Директор департамента *Т. Е. Суворова*
Главный редактор *О. Г. Фесенко*
Руководитель редакционной группы *Н. А. Сергеева*
Заведующий редакцией *Ю. Д. Пичугина*
Ответственный редактор *А. С. Бердюгина*
Технический редактор *Т. П. Тимошина*
Литературный редактор *Г. Е. Назарова*
Корректоры *Н. Н. Иванова, В. А. Макогоненко*
Верстка *В. И. Демин*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 27.05.2026.

Формат 60 × 90^{1/16}. Гарнитура «Adonis». Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,0.

Тираж 2000 экз. J-OTF-38433-01-R. Заказ №

Дата изготовления / Өндірілген күні 15.06.2026.

Срок службы (годности): не ограничен. / Қызмет (жарамдылық) мерзімі: шектелмеген.

Условия хранения: в сухом помещении. / Сақтау шарттары: құрғақ үй-жайда.

Изготовитель:

ООО «Издательство АЗБУКА» –
обладатель товарного знака «Махаон»
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»
в г. Санкт-Петербурге
195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68,
БЦ «Регул», 2-й этаж
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России.

Өндіруші:

«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ –
«Махаон» тауар белгісінің иесі
115093, Мәскеу, қ. ш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қаласындағы
«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы
195112, Санкт-Петербург,
Мало-Охтинский даңғылы, 68 ғимарат,
Регул бизнес орталығы, 2-қабат
Тел. (812) 327-04-55

Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании
можно получить по адресу: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

